

пути сравнение с югославянской графикой необходимо; в XI веке в России еще сказываются древнеболгарские влияния, в начале XV-го — начинают сказываться влияния среднеболгарские и сербские». ¹⁵⁵ Этот затянувшийся палеографический экскурс привел нас к иному выводу. Путь органического развития русского письма сближается с югославянской графикой и на рубеже XII—XIII вв., когда на Балканах формируются новые редакции правописания и ведется восстановление уничтоженной в XII в. славянской письменности на базе русских оригиналов.

Как в сербских текстах данного периода, так и в болгарских рукописях XIII в. следы русского влияния в правописании и графике стоят в связи с русизмами, которые указывают на непосредственное пользование русскими оригиналами. Уже А. И. Соболевский в 1898 г. обратил внимание на ряд таких мест в Евангелии Софийской народной библиотеки [№ 19 (199)]. П. А. Лавров рядом с этим цитирует палимпсест из собрания Тишендорфа (ГПБ, Q.п. I, 64) и Четвероевангелие (БАН, № 11, 9, 3). М. Н. Сперанский присоединил к этой группе Минею Хлудовского собрания (№ 160) и Зайковский Требник, в свое время исследованный И. И. Срезневским. Б. Цонев особо анализировал Врачанское евангелие, где смог установить наличие русизмов на протяжении всей рукописи. ¹⁵⁶ Нужно думать, что внимательный анализ текстов с этой стороны откроет еще очень большое число южнославянских памятников данного периода с ясными следами русских оригиналов, как это недавно установил Б. Ангелов в отношении болгарской рукописи — Пролога Болгарской Академии наук XIV в. (№ 17). ¹⁵⁷

В полном согласии с приведенными явлениями находится и факт большого сходства южнославянского тератологического рукописного орнамента с тератологией русских рукописей XIII в. — факт, уже давно замеченный Ф. И. Буслаевым и В. В. Стасовым. Характеристику этого особого типа рукописного орнамента составляет неразрывное сплетение фантастических чудовищ и птиц с сетью лент и змей; в инициале геометрическая рама буквы перестает служить базой орнаментального целого, а само сплетение (симплегма) становится содержанием композиции, которая лишь символизирует нужный инициал; заставка развивает тот же мотив в сплетении симметрически поставленных инициалов. В этом специфически линейном типе, который встречаем, например, в Болонской Псалтири, Хиландарском Шестодневе 1263 г. и Хиландарском свитке № 1, орнамента отличается, с одной стороны, от народного примитивно-фантастического орнамента старославянских рукописей, где зооморфные и орнитоморфные мотивы являются лишь украшением геометрической рамы инициала; с другой — и от «романской» иллюстрации Мирослава евангелия, где своеобразное сплетение живописно расцвеченных фантастических образов с реалистически трактованными растительными мотивами в сценах охоты, борьбы чудовищ и тому подобных претворяет инициал в миниатюру. В своем линейном типе Болонской псалтири и ряда других памятников южнославянская тератология чрезвычайно сближается с русской в эпоху ее формирования в XII и начале XIII в. Поэтому в соответствии со старыми представлениями о непрерывной зависимости русской письменности от болгар-

¹⁵⁵ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 97—98.

¹⁵⁶ См.: А. И. Соболевский. Две замечательные рукописи XIII века. Киев, 1898; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., стр. 134—135; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 49—53; Б. Цонев. Врачанско евангелие среднебългарски паметник от XIII в. София, 1904.

¹⁵⁷ Б. Ангелов. Из славянските ръкописи на БАН. — Известия на Архивния Институт, I. София, 1957, стр. 292—297.